

Максим
Калашников
Сергей
Бунтовский

**НЕЗАВИСИМАЯ
УКРАИНА**
КРАХ ПРОЕКТА

КНИГА – РАССЛЕДОВАНИЕ

Максим Калашников

**Независимая Украина.
Крах проекта**

«Издательство АСТ»

2009

Калашников М.

Независимая Украина. Крах проекта / М. Калашников —
«Издательство АСТ», 2009

Десятилетия Советской власти в головы школьников и студентов вбивался тезис о братских восточнославянских народах – украинцах и русских. Такая постановка вопроса не вызывала возражений, и уже для большинства наших сограждан наличие двух братских, но разных народов стало аксиомой. Однако, уважаемый читатель, если украинцы – это отдельный народ, то попытайтесь тогда ответить на пару простых вопросов. Например, когда появился на свет этот «другой», нерусский народ? Где он возник? Когда переселился на земли Киевской Руси? На каком языке он говорил? Вроде бы элементарные вопросы, но дать на них ответы оказывается почему-то необычайно сложно. А те ответы, которые нам предлагают украинские национально-озабоченные деятели, в лучшем случае вызывают смех. Согласно современной украинской мифологии, украинцы – это вовсе не русские, а особая нация, с собственной древней историей, культурой и со своим языком. Этот отдельный народ всегда стремился создать свое собственное государство, но ему постоянно мешали внешние силы. Основная опасность этого национального мифа – принятие русофобства в качестве основной национальной идеи и создание образа врага. Причем врагом воспринимается не только соседнее государство, но и большая часть населения Украины, получившая клеймо внутреннего врага. Соответственно, страна еще больше раскалывается, нарастают противоречия между Западом и Востоком, и если этот процесс не остановить, то Украину может ожидать печальная судьба Югославии. Печатается в авторской редакции.

© Калашников М., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Часть первая	6
Вместо введения	6
Украинский миф	8
Из глубины веков	10
Истоки государства Русского	12
Киевская Русь	15
Первые казаки	19
Восстания 30-х годов XVII века	23
Хмельницкий	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Максим Калашников, Сергей Бунтовский

Независимая Украина. Крах проекта

Часть первая

Украинствующая химера,

или

Малороссийские хроники

Вместо введения

Встречи с украинствующими

Летом 2007 г. мне, Сергею Бунтовскому, пришлось побывать в Одессе. В это же время в Южной Пальмире проходили НАТОвские учения и достаточно мощные антинатовские митинги. Понятное дело, что, увидев агитационные палатки под русскими флагами у Потемкинской лестницы, я направился пообщаться с активистами. Тут мое внимание привлекли крики, раздавшиеся за моей спиной. Оборачиваюсь – группа мужчин, размахивая руками, ожесточенно чего-то требуют от милицейского патруля. Решаюсь подойти поближе – вдруг происходит что-то интересное? И не ошибся. Оказывается, это нацсвидомые требуют, чтобы сотрудники милиции убрали антинатовский агитационный пункт.

Особую злость у них вызывал наш триколор, который они именовали не иначе как «флаг враждебного государства». Причем все украинские нацисты говорили исключительно по-русски. Милиционер минут пять пытался объяснить, что все законно, но, в конце концов, махнул рукой и пошел прочь. А нацисты не унимались. Более того, они двинулись к палатке, и у меня появилось ощущение, что сейчас начнется погром. Поэтому я встал у них на пути и поинтересовался, а чем это им мешает русский флаг. Что тут началось! «А, это твой флаг! Убирай его немедленно, пока мы тебя не...» Тут я опушу подробности, поскольку самым мягким обещанием было забить мне в горло древко от флага. Пришлось несколько остудить их пыл предложением: «Попробуйте, рискните!» Что-то решимости у оппонентов тут же заметно поубавилось. Зато они стали апеллировать к окружающим с требованием осудить меня. Правда, отклика их призывы не нашли. Более того, когда нацист выдал фразу: «Ты нам голодомор устроил!», уже не выдержали и зрители. Брызжущему слюной оратору мягко намекнули, что я по возрасту не мог устраивать голодомор, так что ври-ври, да не завирайся. Но это его не смутило: «Какая разница! Это был его дед или прадед!» Вот в таком духе происходило и дальнейшее общение. Особенно мне понравился следующий убойный аргумент: «Нашему Киеву полторы тысячи лет, а вашей Москве – восемьсот, так что молчите». Ну, во-первых, после нашествия Батыя Киев перестал существовать физически, и почти два века Киевщина была безлюдной пустыней. Так что никакого отношения эти так называемые «украинцы» к нашему древнему государству не имеют вовсе. Наоборот, на Северо-Востоке Руси, ныне называемой Российской Федерацией, сохранилась преемственность, идущая от Святого Владимира. Во-вторых, аргументацию «кто старше – тот и главнее» трудно назвать иначе, чем убогой. Америке и трех веков нет, но она правит миром.

К вновь подошедшим милиционерам они обратились со словами: «Это агент Москвы, проверьте его документы!» Потом свидомые стали требовать, чтобы меня задержали, так как я якобы их оскорблял. Поэтому меня надо доставить в РОВД, а там они напишут на меня

заявление. И так далее. Если они думали меня этим запугать, то не вышло. Я в ответ предложил направиться всем в РОВД, так как я тоже намерен подать заявление на них. Эх, как передать словами изменение их гримас? Они вдруг вспомнили, что все спешат по делам и под насмешки горожан поспешили ретироваться.

Еще несколько раз мне приходилось сталкиваться с «сознательными украинцами». И каждый раз поражала их агрессивность и безграмотность. Все их аргументы укладывались в десяток пунктов о древности украинской нации, ее извечном угнетении москалями и жидами, и иногда звучали слова о «спивучости мовы». Самое поразительное, что иногда свидомые в разных городах говорили, буквально дословно повторяя друг друга. Такое ощущение, что всем им в головы вложили одну и ту же программу, за рамки которой они не способны выйти. Эдакое зомбирование. Причем спорить с такими людьми абсолютно бесполезно, все равно, что со свидетелями Иеговы – полная неспособность думать логически. Единственная разница в том, что если свидетелей культурно попросить удалиться, те уходят, а вот «свидомиты» могут и в драку кинуться или еще какую подлость сделать... Так что «сознательные украинцы» – это просто очередная секта, со своей мифологией, отягощенной комплексом неполноценности. Чтобы не путаться в терминах, назовем их «свидомитами» для отличия от нормальных жителей Украины, которых сейчас называют украинцами, не делая различия между галичанами, малороссами, дончанами и крымчанами.

А кстати, откуда украинцы-то взялись?

Десятилетия Советской власти в головы школьников и студентов вбивался тезис о братских восточнославянских народах – украинцах и русских. Такая постановка вопроса не вызывала возражений, и уже для большинства наших сограждан наличие двух братских, но разных народов стало аксиомой. Однако, уважаемый читатель, если украинцы – это отдельный народ, то попытайтесь ответить на пару простых вопросов. Например, когда появился на свет этот «другой», нерусский народ? Где он возник? И когда переселился на земли Киевской Руси? На каком языке он говорил? Вроде бы элементарные вопросы, но дать на них ответы оказывается почему-то необычайно сложно. А те ответы, которые нам предлагают украинские национально-озабоченные деятели, в лучшем случае вызывают смех. Ну что же, в этой работе мы попробуем доискаться правды. Многие факты, которые мы приведем, уже не раз были опубликованы, но, к сожалению, до сих пор они практически неизвестны широкой публике. Так что, готовя эту работу, я опирался на многочисленные документальные исследования и справочный материал. Правда, поскольку книга первоначально задумывалась исключительно как внутреннее пособие по украиноведению для членов организации «Донбасская Русь», я не везде указывал источники тех или иных приводимых данных или цитат. Думаю, этот маленький грех мне простят и цитируемые авторы, и читатели. Всем же заинтересовавшимся данной проблематикой рекомендую ознакомиться с фундаментальным исследованием «Происхождение украинского сепаратизма» историка-белоэмигранта Николая Ульянова, работами Александра Каревина и Андрея Дикого, книгами наших современников Сергея Родина, Алексея Орлова, Сергея Сидоренко, статьями полтавчанина Виктора Шестакова, дончан Алексея Иванова и Виктора Чернышова, а также многих других честных историков, публицистов, писателей.

А затем Максим Калашников, ознакомившись с текстом, предложил дополнить его второй частью – о возможном будущем «независимой Украины» и Русского мира. В итоге получилась эта книга, где первая половина – это Бунтовский, а вторая – Калашников.

Ее мы и представляем на ваш суд, читатель.

Украинский миф

И в школах, и в вузах на Украине изучается такой интересный предмет, как история Украины. Миллионы школьников сдают экзамены, получают законные оценки, только вот что они учат? Может быть, последовательность исторических событий? Нет, дорогие мои, в школе изучают не историю, а миф. Думаете, шучу? Нет, сам за партой штаны просиживал, пятерки получал. Конечно, мне возразят, что исторические мифы – явление не исключительное. Они всегда присутствовали в истории любого государства. Любой народ неизбежно создает легенды о себе, а потом начитает в них верить. И, выполняя сознательный заказ заинтересованных лиц или отвечая на бессознательные запросы публики, историки толкуют события в нужную сторону. Так появляется исторический миф. Миф подменяет собою целые пласты национальной истории, по-своему трактует исторические понятия, оправдывает и преподносит в выгодном свете негативные явления и события, безбожно перевирает, а иногда и отвергает всеми признанные факты. Мы сейчас можем видеть украинский миф в действии. Он овладел умами миллионов и уже воспринимается ими как данность. Он вышел за рамки исторической науки, формируя внешнюю и внутреннюю политику украинского государства. А в 2004 году, выплеснувшись людской массой на Майдан, миф стал движущей силой истории. Этот миф создает новое общество, руководствующееся не здравым смыслом и реальными историческими ценностями, а иллюзиями, причем далеко не безопасными. Так в чем же заключается украинский миф, над упрочнением и реализацией которого работают целые государственные институты? Давайте кратко рассмотрим основные тезисы мифа.

Согласно украинской мифологии, украинцы – это вовсе не русские, а особая нация с собственной древней историей, культурой и со своим языком. И, если верить свидомитам (*образуем это слово от «национально свидомых» – излюбленная самохарактеристика украинских националистов-русофобов*), этот отдельный народ всегда стремился создать свое собственное государство, но ему постоянно мешали внешние силы. В рамках этой концепции навязывается утверждение о том, что история Древней Руси – это и есть история Украины. Киев – украинский город. Владимир Великий – украинский князь. «Русская правда» – украинский правовой кодекс. И так далее. Об этом не только пишут в школьных учебниках, но даже на украинских гривнах помещены портреты Владимира Святого и Ярослава Мудрого. А многие свидомые ученые идут дальше, пытаясь вывести происхождение украинского народа от трипольцев – полукочевого-полуоседлого народа, жившего на территории современных Румынии и Правобережной Украины в IV—III тысячелетии до нашей эры.

Особая часть мифа – это так называемая «ридна мова», которой пичкают наших детей в школах и детских садах. Обратите внимание, как хитро введено в оборот это словосочетание. Это наглядный пример манипуляции сознанием. Ведь кто будет протестовать против изучения родного языка. Понятное дело, никто. Только вот никто не поинтересовался, а для кого это украинский язык родной. На все попытки объяснить, что для миллионов граждан Украины родной язык – русский, следует объяснение: вы (ваши родители) просто забыли «ридну українську мову» из-за постоянной русификации. Хотя забыть родной язык можно только после черепно-мозговой травмы.

Разумеется, у свидомитов есть и собственный пантеон героев. Казалось бы, раз вы «приватизировали» тысячелетнюю историю русского народа, то можно выбрать в качестве национальных символов и былинных богатырей Святой Руси, и запорожских атаманов, и деятелей двадцатого века. Но выбор свидомитов всегда до ужаса односторонний: на щит поднимаются только те, кто боролся против русского народа, даже если это патологические убийцы и отъявленные негодяи.

Как мы уже упоминали, миф в той или иной мере существует у любого народа, так почему же украинский миф представляет опасность? Основная опасность свидомитского мифа в принятии русофобства в качестве основной национальной идеи и создании образа врага. Причем врагом воспринимается не только соседнее государство, но и большая часть населения Украины, получившая клеймо внутреннего врага. Миллионы жителей Юго-Востока объявляются бандитами, быдлом и пятой колонной Москвы. Соответственно, страна еще больше раскалывается, нарастают противоречия между Западом и Востоком... Если этот процесс не остановить, то боюсь, что Украину ждет печальная судьба Югославии.

Из глубины веков

Поскольку свидомиты стремятся всячески удлинить историю Украины, то, чтобы понять, когда появились первые идеи о существовании отдельного украинского народа, нам нужно будет окунуться в глубь истории. Начав с преданий старины глубокой, мы постепенно дойдем и до нашего смутного времени.

Пожалуй, сегодня нет ни одного человека на Украине, который бы не слышал про трипольскую археологическую культуру. О трипольцах ученые пишут монографии, писатели – романы, а люди, претендующие на звание украинской элиты, собирают коллекции трипольской керамики. Уже буквально сложился культ Триполья, хотя еще несколько десятилетий Триполье считалось всего лишь одной из многих археологических культур, коих на территории страны было открыто немало. Да, трипольская культура представляет определенный интерес для историков и археологов, но модной она стала лишь благодаря политической конъюнктуре, а именно заказу на создание древней истории украинского народа. Ведь практически все, кто сейчас пишет на эту тему, прямо или косвенно (насколько хватает порядочности) объявляют трипольцев предшественниками украинцев. Вероятно, этими горе-историками и их покровителями движет все тот же комплекс неполноценности, что и националистом, кричавшим мне о древности Киева, или нуворишем, выдумывающим себе аристократических предков, чтобы добиться уважения окружающих. Кроме того, «породнясь» с трипольцами, украинские националисты стремятся также доказать свое отличие от русских.

В чем же особенности трипольской культуры, что с ней носятся как с писаной торбой? Если верить восторженным статьям в отечественной прессе, то можно подумать, что это древнейшая цивилизация на земле, освоившая земледелие и давшая миру первые города. Да, конечно, трипольская археологическая культура – это заметное историческое явление. Впервые в средней полосе Европы широкий масштаб приобрели земледелие и выплавка металлов, но говорить о трипольцах как о чем-то экстраординарном нет никакого повода. Во-первых, в трипольскую эпоху так и не возникла письменность, а именно с ее появлением большинство современных исследователей связывает рождение цивилизации. Второй признак цивилизации – возникновение городов, то есть таких поселений, где источником дохода основной части жителей являются ремесло и торговля. Трипольские же поселения, несмотря на то, что некоторые насчитывали до двух тысяч домов, оставались типичными деревнями. Жители разводили коров и лошадей, возделывали окрестные поля костяными мотыгами, затем научились пахать на быках. Ремесло и торговля для трипольцев были явно второстепенным занятием. Когда почва вокруг поселения истощалась, трипольцы снимались с насиженных мест и перекочевывали на новые земли. Не были трипольцы и пионерами в земледелии и обработке металлов – тут, безоговорочно, пальма первенства за жителями Ближнего Востока.

В середине третьего тысячелетия до нашей эры трипольская цивилизация угасла, не оставив преемников. Единственное, что от них осталось, – это лежащие в толще чернозема пепелища городов с черепками расписных горшков.

Итак, стараниями многих мифотворцев от истории за последнее десятилетие был создан культ праукраинцев-трипольцев. Только вот, говоря словами одного нашего экс-премьера, хотели как лучше, а получилось, как всегда. Ведь какие можно найти доказательства идеи о том, что украинцы – наследники трипольцев? Кроме того, что часть трипольцев жила на территории Правобережья Украины, – никаких. Еще раз повторюсь: ЧАСТЬ трипольцев жила на территории современной Украины. Центр этой цивилизации находился на землях современной Румынии, а у нас была глухая периферия. Окраина, говоря по-простому. Не даром в серьезных источниках эту культуру называют трипольско-кукутенской, по названиям сел,

возле которых в конце девятнадцатого века были впервые раскопаны древние поселения. Кто забыл: Триполье находится на Киевщине, а Кукутени, соответственно, в Румынии, около Ясс.

О родстве народов можно судить по их языку, но у трипольцев не было письменности, и поэтому их язык нам неизвестен. Как же можно утверждать о родстве двух языков, не имея ни малейшего представления об одном из них? Да и вообще, первые исторические упоминания о славянах появятся спустя две с лишним тысячи лет после гибели трипольцев. Верить, что все эти долгие века сохранялась какая-то преемственность, столь же наивно, как и в заявление некоторых политиков о руках, которые ничего не крали. Кстати, согласно наиболее вероятной версии, трипольцы принадлежали к доиндоевропейскому населению Европы, скорее всего, к синокавказцам. Один из наиболее авторитетных исследователей Триполья М.Ю. Видейко отмечает, что черепа трипольцев относятся к «армянскому» антропологическому типу. Так что озабоченным вопросами чистоты расы украинским националистами (а именно они чаще всего создают полушизофреничные байки о трипольцах-праукраинцах) стоит призадуматься.

Кстати, если уж искать предков в глубине тысячелетий, то, наверное, лучше обратить внимание на скифов. Этот воинственный народ создал на территории будущей Южной Руси первое государство, в собственном смысле этого слова, на равных противостоял греческим городам. Скифы совершали тысячекилометровые военные походы, верша мировую историю. В период расцвета сколотское (именно так они себя именовали, а скифами их называли греки) государство занимало практически все Причерноморье. В третьем веке до рождения Христа их существенно потеснили сарматы, и на шестьсот лет наша земля на географических картах стала называться Сарматией. Именно во времена господства сарматов на историческую арену вышли и первые славяне.

Обратим внимание на тот факт, что скифы, как и родственные им сарматы, были ираноязычным народом. То есть их ближайшие родственники на сегодня – это персы-иранцы, курды, таджики, пуштуны (плюс некоторые народности в Афганистане) и осетины-аланы.

Истоки государства Русского

Сейчас существует огромное количество версий и гипотез о происхождении русского народа и первых веках нашей истории. Какая из них истинная – сказать невозможно. Ясно только, что русская история гораздо более древняя, чем считали историки-норманисты. Еще в дореволюционное время обращали внимание на то, что термин Русь упоминается гораздо раньше начала правления Рюрика в Новгороде. Точно так же остается невыясненным вопрос, кем же были русы и какое они имели отношение к славянским племенам, известным с первого столетия нашей эры. Ведь даже в сравнительно поздние времена Вещего Олега отличие славян от русов подчеркивается летописцами. Вариант первый: русы – это славяне. Тогда вопрос в том, русы – это отдельный род, племя или название людей определенной профессии, как, например, более поздние ушкуйники?

Вариант второй: русы – не славяне. Тогда кто? Германцы? Возможно, но не факт.

Историки насчитали в исторических материалах как минимум четыре прямых и восемь косвенных указаний на то, что до Киевской Руси существовало некое государство, носившее название русского, во главе которого стоял каган. Этот тюркский титул обозначает единоличного руководителя крупного государства и соответствует европейскому титулу императора. Это подчеркивает, что Русский каганат был независимым и довольно мощным образованием, способным самостоятельно определять свою политику. Однако его точное местоположение до сих пор неизвестно. Часть исследователей полагает, что он находился на севере Восточно-Европейской равнины, часть ученых считает, что это государство располагалось в районе Азовского моря.

По мнению Е.С. Галкиной (книга «Тайны Русского каганата»), центр этого государства находился в верховьях рек Оскол, Северский Донец и Дон. Русский историк и философ Сергей Перевезенцев называет это государство Аланской Русью и усматривает его истоки на Дону. Донецкий историк и публицист Алексей Иванов называет его Русским каганатом и очерчивает границы этого государства по линии Северский Донец – Дон – Азовское море на юго-востоке и Днепром на западе. Современная столица Украины также входила в состав этой цивилизации.

Долгое время господствовала версия, что это не отдельное государство, а часть Хазарского каганата. Это предположение сыграло роковую роль в изучении этой цивилизации. В советское время историческая наука Хазарский каганат практически не изучала. Естественно, что никто не изучал и историю, связанную с нашей территорией. Не изучается Русский каганат и в независимой Украине. А вот в России этому государству посвящаются статьи и целые книги. Еще в дореволюционное время обращали внимание на то, что термин «Русь» упоминается гораздо раньше начала правления Рюрика в Новгороде.

Сопоставив все имеющиеся исторические данные с археологическими находками, мы приходим к выводу, что Русским каганатом может быть только Салтовско-Маяцкая археологическая культура.

Это было одно из наиболее урбанизированных государств раннего Средневековья. Сейчас раскопано 25 городов, в некоторых из которых жило до ста тысяч человек. Для того времени это огромное население, ведь Париж в то время насчитывал всего двадцать тысяч жителей, а Киеве даже в XI веке жили не более сорока тысяч человек. Города Русского каганата были центрами торговли и ремесел. Особенно были развиты гончарное и ювелирное дело, металлургия. Русский каганат был торгово-военным государством, через которое проходили важные торговые маршруты из северной Европы в Византию и азиатские страны. Например, один из них начинался на южном побережье Балтики, затем шел по Днепру, Северскому Донцу, Дону и заканчивался на Северном Кавказе. Еще одна важная торговая артерия, которую контролировали русы, – это всем известный путь «Из варяг в греки». Вдобавок, Русский каганат

имел выход в море и вел активную морскую торговлю. Основными экспортными товарами были оружие, ювелирные изделия и рабы. Такая активность не могла не раздражать Хазарский каганат, еще одно военно-торговое государство, стремившееся к контролю над торговыми путями. Судя по всему, отношения двух каганатов были очень напряженными. Видимо, определенное время сохранялся паритет, и граница проходила по Дону.

Согласно данным археологии, эта культура каганата была смешанной алано-славянско-тюркской. На первых порах (с VI и до начала VIII века) главенствовал аланский компонент. Аланы – это индоарийский ираноязычный народ, потомки сарматов и предки современных осетин. Нужно заметить, что наш край долгое время был в ареале расселения иранских племен. Сначала это были скифы, затем сарматы, роксоланы, ясы, аланы. Именно из тех времен и остался в нашем языке корень «дон», означавший «река», в названиях водных источников. Так что названия Дон, Северский Донец пришли к нам из глубины веков. Затем территорию лесостепной полосы (ныне северная часть Донбасса) начинают заселять славяне. Одновременно и иранцы двигались вглубь славянских земель. Возникает симбиоз иранцев и славян, и каганат вполне можно назвать славянско-иранским государством. Кроме того, каганат населяли булгары, асы и даже выходцы из Скандинавии. К концу существования Русского каганата славяне составляли доминирующую часть его населения. И главное – они обладали высоким социальным статусом. Об этом можно судить по тому, что найденные славянские захоронения – это, как правило, богатые могилы.

Теперь, наверное, стоит рассмотреть происхождение термина Русь, русский. Корень «рус» – индоевропейского происхождения и означает «светлый, белый». Это значение оно сохранило в языке до наших дней. Например, в словах «русявый», «русоволосый», «заяц-русак» и так далее. Кроме того, этим термином обозначали знатный или главенствующий род. Вполне естественно, что этим словом в равной степени пользовались две ветви индоевропейцев – иранцы и славяне. Возможно, распространение самоназвания «салтовцев» как «рус», «русы» связано с названием нынешнего Северского Донца, который, по данным арабского источника «Худуа-аль-Алам», называли рекой Рус, то есть светлая или чистая река. Возможно, от наименования реки стали себя так именовать и жители каганата. Есть версия, что каганат получил свое название от аланского народа рухсов, потомков сарматского племени роксаланов (светлых аланов) и асов.

Вероятно, русы первоначально не были славянами, но были ассимилированы славянами, оставив им свое имя. Это не единственный подобный случай в истории. Вспомним хотя бы болгар, славянский народ, получивший имя от племени кочевников-тюрков.

Погиб Русский каганат в тридцатых годах девятого века, когда его территория была захвачена мадьярами (венграми), которые кочевали здесь до конца девятого века, а затем отправились на запад. После разгрома каганата часть оставшегося населения отошла на север в леса и ассимилировалась среди славянского племени северян. Возможно, благодаря этому и сохранилась топонимика нашего края. Часть беглецов переселилась в Приднепровье под защиту уцелевшего Киева.

Но особенно интересна судьба третьей группы выходцев из каганата. Вероятно, это были остатки профессиональной дружины. Они закончили свой поход в Прибалтике. Часть исследователей считает, что их новой родиной стало восточное побережье Балтийского моря, часть историков утверждает, что русы осели в Пруссии, где они вместе с местными племенами образуют племенной союз, который называют Русия. Кроме того, есть версия об острове Сааремаа как о новом пристанище русов. Как бы то ни было, все исследователи согласны, что новое государство было в Прибалтике. В это время идет активное освоение славянами этих территорий. Им был необходим союзник на новых землях. Естественно, они обратили внимание на племенное образование, близкое им по языку, культуре. Так что, возможно, рус Рюрик, при-

глашенный со своей дружиной в Новгород, был не скандинавом, а выходцем из Русского каганата.

Если наша реконструкция истории Русского каганата базируется на археологии, гипотезах и разрозненных исторических сведениях, то Рюрик – это историческая личность. Его ближайшим сподвижником был Вещий Олег. У нас это имя обычно выводят из скандинавского имени Хелег, хотя логичнее его выводить от иранского Халег (творец, создатель, князь). Олег, став в 879 году регентом при малолетнем сыне Рюрика Игоре, организывает поход на юг по Днепру. В 882 году Олег фактически без боя захватил Киев. Именно тогда и прозвучали слова «Киев – мать городов русских». Согласитесь, звучит более чем странно, если вслед за историками-норманистами считать Олега скандинавом. Но если Олег, как и киевляне, выходец из Русского каганата, то его поступок логичен. Вещий князь провозгласил начало возрождения своего древнего государства, но уже со столицей в Киеве. Кстати, киевский люд воспринимает приход Олега без особого возмущения. Не было ни бунтов, ни волнений. А ведь когда Рюрик стал княжить в Новгороде, там было восстание Вадима Храброго.

После утверждения в Киеве Олег установил свой контроль над племенами северян и радимичей, которые до этого платили дань хазарам. То есть Олег собирал вокруг Киева как раз те славянские племена, которые наиболее тесно контактировали с Русским каганатом. Странствиями Вещего Олега в начале десятого века образуется новое государство, которое объединяет земли Русского каганата и получает прежнее название Русь, а его правитель именуется каганом. Этот титул перестал употребляться только при Ярославе Мудром.

Князь Святослав завершил начатое Олегом, совершив в 965 году победоносный поход на Хазарию. Он не только уничтожил это государство, но и начал возрождать Русский каганат путем новой славянской колонизации земель вдоль Дона и Донца, центром которых стал бывший хазарский город Саркел, переименованный Святославом в Белую Вежу (вежа – башня). Туда он пытается переселить славян, но ситуация была уже другой. Из Заволжья в наши степи приходят кочевники печенеги. После того, как их удалось разгромить в тридцатых годах одиннадцатого века, на их место пришли половцы. Кстати, Владимир Мономах совершил два десятка походов в степи, где располагался Русский каганат, буквально зачищая их от кочевников. Так что князья Киевской Руси не забывали о своей прародине. Но Киевская Русь уже вступила в период раздробленности, и у великих князей не было сил, чтобы удержать свои южные владения. Большинство славян во времена Владимира Мономаха переселилось обратно в Киевскую Русь. Оставшиеся частично были вырезаны половцами, взявшими приступом в 1117 году Белую Вежу, частично переселились в Тмутаракань. Небольшая часть славян, объединившись с представителями соседних народов (алан и тюрок), стали родоначальниками бродников – вольных воинов, ведших такой же образ жизни, как и казаки спустя четыреста лет.

Итак, подведем итоги. Русский каганат был первым протогосударством, в отношении которого был употреблен термин «русский». Наследие этого государства оказало впоследствии серьезное влияние и на Русь, и на образовавшиеся на ее территории государства. Очень много элементов из Русского каганата перешло в Русское государство. Это и титул властителей, и боги иранского происхождения в пантеоне славянских богов, и многочисленные слова с иранским корнем в нашем языке. (Например, «собака» вместо общеславянского «пес», «топор» вместо общеславянского «секира-сокира», «хорошо» наряду с «добро-дobre» – прим. ред.)

Киевская Русь

Поднимая вой о постоянном угнетении Украины Москвой, нацсвидомые пытаются доказать, что во все времена именно русские были главными врагами украинцев. И как пример первой агрессии «москалей» постоянно приводится взятие Киева князем Юрием Долгоруким, а затем и его сыном Андреем Боголюбским. То, что Киев был взят, стараниями историков незалежной, знают все, а вот подробности тех событий малоизвестны. Поэтому давайте разберемся, а что собственно происходило в тот момент на Руси.

Единое государство, созданное Святославом и Владимиром, давно уже поделено на княжества, которые непрерывно дробятся. Это связано с весьма своеобразной системой наследования власти, существовавшей у наших предков. Отошедшему в мир иной Великому князю Киевскому наследовал не сын, а следующий брат, после его смерти – младший брат. Только после того как младший из братьев отправлялся в мир иной, трон занимал сын старшего брата и так далее. По мере выбывания старейших представителей рода, следующие по возрасту князья меняли свои княжества, принимая под свою руку более богатые и важные города, а на их место приходили новые поколения Рюриковичей. Таким образом, *все* князья в совокупности владели *всей* Русской землей, передвигаясь из волости в волость по известной очереди. Такой вот карьерный рост по-древнерусски.

Но со временем, когда княжеский род разросся, стали возникать сложности в определении первенства того или иного князя – соответственно начинались и междоусобные столкновения. И выяснилось, что для правления Киевом не обязательно быть старшим, главное – иметь наиболее многочисленную дружину и немного решительности. И уже с конца XI века на Руси шла практически перманентная война между князьями, в которой активно участвовали все соседи от Польши и Швеции до половцев и венгров. Главным призом во всех войнах оставался Киев, так как киевский князь считался владыкой всей Руси, а сам Киев был политической столицей государства. Понятное дело, что такая ситуация самим киевлянам и жителям его окрестностей нравилась мало, ведь каждый новый князь, захватывая Киев, устраивал погром и грабеж. Ну и бежали жители Южной Руси на северо-восток, где жизнь была поспокойнее. Соответственно северо-восточные княжества усиливались, а их правители становились основными претендентами на великокняжеский престол. И своего они достигали. Например, владика Ростово-Суздальской земли Юрий Долгорукий (тот самый основатель Москвы), воюя с волынским князем Изяславом Мстиславовичем, трижды брал Киев штурмом, а затем в 1155 году, после смерти своего главного соперника, буквально выгнал очередного киевского князя, заявив: «Мне отчина Киев, а не тебе!» Современные украинствующие историки не стесняются называть Долгорукого первым русским империалистом, пытавшимся завоевать Украину, и объяснять его действия в рамках убогой схемы извечной борьбы украинцев против захватчиков-москалей. Да только вот незадача, никаких украинцев в то время не существовало. Равно как и москалей – Москва в то время была всего лишь небольшим городком во Владимирском княжестве. На самом деле одни русские князья во главе русских войск (ну и наемников – куда же без них?) воевали против других русских князей за контроль над русскими городами. А лучшим союзником Юрия Долгорукого по борьбе за Киев был галицкий князь Владимирко. Что же, и этого галичанина нам «москалем» считать? Бред! Ведь Галичина (Галиция) – это нынешняя Западная Украина!

В результате всех этих междоусобиц звание Великого князя Киевского стало пустым наименованием, а Киев стал клониться к закату. Ну, сами представьте, что с городом случилось, пока он из рук в руки переходил. После смерти Долгорукого на престоле древней столицы сменилось несколько князей, пока, наконец в 1169 году сын Долгорукого Андрей Боголюбский не организовал поход одиннадцати князей и не подчинил своей власти Киев. Правда, сам он

там править не захотел, отдав город в качестве подарка своему брату Глебу. Князь Андрей сделал своей столицей город Владимир на реке Клязьма. С этого момента можно говорить, что Киевщина окончательно стала периферией Руси. Мать городов русских еще не раз переходила из рук в руки. Пользуясь слабостью раздробленной Руси, половцы безнаказанно совершали набеги, вырезая села и целые города. Окончательно же обезлюдили земли некогда могучего Киевского княжества после похода Батые, полностью разрушившего Киев в 1240 г.

Нашествие Батые стало тяжелейшим ударом по русской цивилизации. Причем, если до северных Новгородского и Псковского княжества степняки не дошли, города Центральной Руси были разграблены и в большинстве своем сожжены, то более удобный для действия монгольской кавалерии степной Юг обезлюдел полностью. В 1239—1240 годах завоеватели взяли штурмом Переяслав, Чернигов и Киев, вырезав все население этих городов. Начался период тотального запустения Южной Руси. Города были разрушены, дружинники и бояре (элита русского общества) полегли под кривыми монгольскими мечами, крестьянские поля разорены, кто из смердов не смог спрятаться – уведен в рабство. Впрочем, могло быть и еще хуже. Если бы Батый со своими ордами остался на Днепре, то наша земля на века превратилась бы в выжженную землю. К счастью, вдоволь награвив, Батый ушел на восток, разбив свою ставку на Волге. Но с севера и запада уже шли новые господа. Польское королевство захватило Галицию. Молодое Литовское государство начало свою экспансию на восток и юг. Постепенно в состав Великого княжества Литовского вошли Волынь, Киевщина, Новгород-Северская и Черниговская земли. Причем за Волынь Литовскому княжеству пришлось воевать с Польшей. В итоге в 1352 году было подписано перемирие, согласно которому Галиция оставалась за Польшей, а Волынь – за Литвой.

Литовцы охотно роднились с оставшимися в живых представителями русской знати, перенимали более высокую русскую культуру. Обиходным был именно русский язык, он же был языком литературы и делопроизводства. Можно было бы надеяться на то, что со временем литовцы полностью растворятся в русской массе, но этому было не суждено сбыться.

Весь четырнадцатый век литовские правители наступали на Восток и Юг, подчинив себе гигантские территории от Черного моря до Балтийского, а раздробленные и враждующие русские княжества не могли оказать достойного сопротивления, и потому в начале пятнадцатого столетия Литва достигла пика своего могущества. В 1404 году литовский князь Витовт с третьей попытки захватил Смоленск и претендовал на Новгород и Псков. Но против захватчиков объединились силы Великих княжеств Московского и Тверского. Витовт вынужден был отступить, и в 1408 г. под Вязьмой было заключено перемирие. Река Угра стала границей между московскими и литовскими княжествами. Дальнейший захват русских земель на время был прекращен, но и мира не было. Одновременно началось сопротивление русского населения захваченных Литвой земель, притесняемого католическими феодалами.

В начале XV века у литовцев есть страстное желание продолжить поход на Восток, но сил уже нет, и им приходится больше думать о том, как удержать захваченное. Тем более что с Запада на Литву и Польшу обрушились крестоносцы из Тевтонского ордена. В двух войнах 1409—1411 и 1454—1466 годов польско-русско-литовские войска разгромили немецких псов-рыцарей, но за это время лоскутное одеяло русских княжеств превратилось в единое централизованное Московское государство, которое уже не скрывало желания вернуть потерянные ранее земли. Великий князь Иван IV подчинил своей власти Новгород, Тверь и Ярославль, окончательно сбросил с Руси ордынское иго, победил Казань, и зимой 1493 московские войска начали войну с Литвой. В 1494 году было заключено мирное соглашение. По этому мирному договору Вязьма навсегда отошла к Московскому государству, Смоленск же остался за Литвой. После короткого перемирия, в 1500 году, начинается вторая война Москвы с Литвой за смоленские земли. 23 июля произошло решающее сражение. Литовская армия под командованием гетмана Константина Острожского сошлась с московским войском. Как выяснилось, время

ратной славы Литвы минуло, и московские полки одержали блистательную победу. Никогда еще Литва не терпела такого сокрушительного поражения. Гетман Острожский и несколько сотен князей и бояр попали в плен, тысячи простых воинов были убиты. В 1500 году под власть Москвы переходят Черниговские и Новгород-Северские земли. Война то прерывается перемириями, то вновь разгорается, но инициатива постоянно у московских воевод. 1 августа 1514 года жители Смоленска открыли ворота города русским воинам. Одновременно на сторону Москвы переходят многие знатные русские православные семьи Литвы. С возвращением Смоленска и Вязьмы завершилось объединение северо-восточных русских земель в единое Российское государство. Становится понятно, что времена Ольгерда, безнаказанно осаждавшего Москву, безвозвратно канули в лету и Русь стала значительно сильнее Литвы. Уже становится понятным, что объединение всех земель Киевской Руси под властью Москвы – это лишь вопрос времени.

Великое княжество Литовское разваливается, и у него небогатый выбор: или полностью попасть под власть московских князей, или под власть польского короля. Литовские князья предпочли второй вариант, тем более что с конца четырнадцатого века Литва и Польша несколько раз пытались объединиться. В результате многолетних перипетий, описание которых не входит в нашу задачу, было создано единое государство Польши и Литвы – Речь Посполитая (1569 г.). В новом образовании Литва оказывалась в подчиненном положении, и уже с начала семнадцатого столетия бывшее великое княжество – всего лишь часть Польши. Вскоре для русских начались черные времена. Польское иго тотально влияло на все аспекты жизни покоренного населения. Немногочисленная русская аристократия, оставшаяся на ставших польскими землях, в конце концов перешла в католичество и практически полностью ополячилась. Жестокое крепостничество, давление на православие и насаждение католичества низводили остальных жителей Южной и Западной Руси до положения бесправных рабов. Первыми католическими священниками в Великом княжестве Литовском были исключительно польские князья, привлеченные большими материальными благами и соблазнами папской курии. Не удивительно, что наши предки восприняли католичество исключительно как польскую веру. Соответственно любое сопротивление католицизации приобретало форму освободительной борьбы против польских захватчиков. В 1596 году происходит событие, которое сделает взрыв неизбежным. В Бресте был созван Церковный собор, на котором в ультимативном порядке православным архиереям предлагают объединиться с католиками, признав власть Папы Римского. С этого момента становится ясно, что православным русичам и католикам-полякам в одном государстве не ужиться.

В этот же период под польским влиянием начинает изменяться и язык жителей Малой Руси. Формируется отдельный диалект, на базе которого затем будет создана «украинская мова». И чем больше проходило времени, тем жестче вели себя поляки. Православным горожанам пытались запретить заниматься торговлей и ремеслом, а с крестьянами польские хозяева вообще предпочитали говорить с помощью кнута. Причем, даже перейдя в религию господ, крестьяне оставались в положении бесправного быдла. Пан по своей прихоти имел право казнить любого холопа, не неся за это никакой ответственности. Безнаказанность и разгул шляхты сложно даже вообразить. Например, по закону шляхтич имел право личной неприкосновенности, не платил никаких налогов, мог выступать с оружием в руках против своего короля, если был не согласен с решениями монарха... Нередко польские магнаты, имевшие собственные частные армии, устраивали войны между собой. А любой закон в королевстве вступал в силу, только если с этим законом были согласны все (!) шляхтичи Речи Посполитой. Достаточно было одного пана, заявившего «либерум вето», чтобы закон не был принят. Столь огромное количество прав и вольностей шляхты порождали сумасбродный гонор феодальной вольницы и буквально ставили под сомнение существование польского государства, а сама шляхта становилась силой большей, чем королевская власть. Однако практически безграничная свобода

одних оборачивалась закабалением других. Чем больше прав приобретала шляхта, тем сильнее было угнетение крестьян. Экономическое закабаление, накладываясь на религиозную рознь, создавало взрывоопасную смесь, которая прорывалась постоянными восстаниями. До определенного времени полякам удавалось давить крестьянские выступления в крови.

Первые казаки

Большинство наших современников черпает сведения о казаках исключительно из художественных произведений: исторических романов, дум, кинофильмов. Соответственно и представления о казаках у нас весьма поверхностные, во многом даже лубочные. Вносит путаницу и тот факт, что казачество в своем развитии прошло длинный и сложный путь. Поэтому герои Шолохова и Краснова, списанные с реальных казаков прошлого XX века, имеют столько же общего с казаками шестнадцатого века, сколько современные киевляне – с дружинниками Святослава.

Как это ни прискорбно для многих, но героико-романтический миф о запорожцах, созданный писателями и художниками, нам придется развенчать.

Первые сведения о существовании казачества на берегах Днепра относятся к пятнадцатому веку. Были ли они потомками бродников, черных клобуков¹ или ослабянившейся со временем частью Золотой орды – никому неизвестно. В любом случае, тюркское влияние на обычаи и поведение казаков огромно. В конце концов, по форме проведения казачья рада не что иное, как татарский курултай, оселедец и шаровары – атрибуты представителей многих кочевых народов... Многие слова (кош, атаман, курень, бешмет, чекмень, бунчук) пришли в наш язык из тюркского. Степь дала казакам нравы, обычаи, воинские приемы и даже внешний вид.

Кроме того, сейчас казачество считается исключительно русским явлением, однако это не так. Были свои казаки и у татар-мусульман. Задолго до появления на исторической сцене Запорожского и Донского войск на жителей степи наводили ужас ватаги ордынских казаков. Татарские казаки также не признавали над собой власти ни одного государя, но охотно нанимались на военную службу. Причем как к мусульманским, так и христианским владыкам. С распадом единого государства Золотой орды на враждующие ханства огромные степные пространства от Днепра до Волги стали фактически ничейной землей. Именно в этот момент на берегах степных рек появляются первые укрепленные казачьи городки. Они играли роль баз, откуда казачьи артели отправлялись на рыбную ловлю, охоту или грабеж, а в случае вражеского нападения казаки могли отсидеться за их стенами. Центрами казачества стали Днепр, Дон и Яик (Урал). В сороковых годах шестнадцатого века днепровские казаки, которых на Руси называли черкасами, на острове Малая Хортица основали самую известную крепость – Запорожскую Сечь. Вскоре вокруг Сечи объединились все казаки, жившие на Днепре, положив основу Войску Запорожскому Низовому. Основание Запорожской Сечи традиционно приписывается Дмитрию Байде Вишневецкому, хотя, как недавно доказал украинский историк Олесь Бузина, никакого отношения к Сечи этот шляхтич не имел. В это время казаки уже представляли собой определенную силу, численность которой пополнялась за счет прихода новых людей из Речи Посполитой, Валахии и Малороссии. Эти переселенцы существенно изменили состав казачества, растворив в себе казаков-неславян, и уже к шестнадцатому веку казачество представляло собой исключительно русскоязычное православное образование. Впрочем, по менталитету и роду занятий казаки существенно отличались и от русских, и от других оседлых народов.

У наших историков сложились два противоположных взаимоисключающих взгляда на казачество. Согласно первому, казачество – это аналог западноевропейских рыцарских орденов, согласно второму, казаки – выразители чаяний народных масс, носители демократических ценностей и народовластия. Однако оба эти взгляда оказываются несостоятельными, если внимательно изучить историю казаков. В отличие от рыцарских орденов европейского Средневе-

¹ Черные клобуки – общее название кочевников (печенежские, половецкие, торкские племена и роды), ставших вассалами Киевского великого князя и расселенных на южных границах Руси. Главной задачей Черных клобуков была сторожевая служба на границе степи и защита русских поселений от набегов враждебных племен кочевников.

ковья днепровское казачество возникло не в гармонии с государственной властью. Наоборот, ряды казаков пополняли люди, для которых не было места в цивилизованном обществе. За днепровские пороги приходили не нашедшие себя в мирной жизни селяне, бежали, спасаясь от суда или долгов шляхтичи и просто искатели легкой наживы и приключений. Ни малейшего намека на дисциплину, характерную для рыцарских орденов, на Сечи обнаружить не удастся. Вместо этого все современники отмечали своевольство и необузданность казаков. Можно ли представить, чтобы магистра тамплиеров провозглашали и свергали по капризу массы, зачастую по пьяни, как это было с атаманами казачьих ватаг? Если и можно сравнить с чем-либо Сечь, то скорее с пиратскими республиками Карибского моря или татарскими ордами, а не с рыцарями.

Легенда о казачьей демократии родилась в девятнадцатом веке благодаря усилиям русских поэтов и публицистов. Воспитанные на европейских демократических идеях своего времени, они хотели видеть в казаках простой народ, ушедший от панской и царской власти, борцов за свободу. «Прогрессивная» интеллигенция подхватила и раздула этот миф. Конечно, крестьяне бежали на Сечь, но не они управляли там. Идеи освобождения крестьян из-под панской власти не находили отклика в сердцах запорожцев, зато возможность пограбить, прикрывшись крестьянами, никогда не упускалась. Затем же казаки легко предавали доверившихся им крестьян. Беглые крестьяне только пополняли ряды войска, но не из них формировалась запорожская верхушка-старшина, не они были стеновым хребтом казачества. Недаром же казаки всегда считали себя отдельным народом и не признавали себя беглыми мужиками. Сечевые «лыцари» (рыцари) чурались земледелия и не должны были связывать себя семейными узами.

Фигура запорожца не тождественна типу коренного малоросса. Они представляют два разных мира. Один – оседлый, земледельческий, с культурой, бытом и нравами, восходящими к Киевской Руси. Второй – гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь. Казачество порождено не южнорусской культурой, а враждебной стихией кочевой татарской степи. Недаром многие исследователи считают, что первыми русскими казаками были русифицированные крещенные татары. Живущие исключительно за счет разбоя, не ценящие ни своей, ни тем более чужой жизни, склонные к дикому разгулу и насилию – такими предстают эти люди перед историками. Не брезговали они подчас и угоном своих «православных братьев» в плен с последующей продажей живого товара на невольничьих рынках.

Так что отнюдь не все запорожцы предстают в образе благородного Тараса Бульбы, воспетого Николаем Васильевичем Гоголем. Кстати, обрати внимание, читатель: гоголевский Тарас называет себя не украинцем, а русским! Существенная деталь.

Еще одним мифом является миссия защиты православной веры, приписываемая казам. «Защитники православия» гетманы Выговский, Дорошенко и Юрий Хмельницкий без всяких угрызений совести признавали своим господином турецкого султана – главу ислама. Да и вообще никогда казаки не отличались особой политической разборчивостью. Оставаясь верными своей степной природе добытчиков, они никогда не приносили реальных, практических выгод в жертву отвлеченным идеям. Надо было – и входили в союз с татарами, надо – шли вместе с поляками разорять великорусские земли в Смутное время 1603—1620 гг., надо – уходили в Турцию из-под власти Российской империи.

До учреждения поляками в шестнадцатом веке реестрового казачества термином «казак» определялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удаляться за линию пограничной стражи, жить там, добывая пропитание охотой, рыбной ловлей и грабежом. В 1572 году польское правительство попыталось использовать активность казаков на благо государству. Для несения службы по охране границы были созданы отряды из казаков-наемников, получившие название «реестровых казаков». В качестве легкой кавалерии они широко использовались в войнах, которые вела Речь Посполитая. Стать реестровым казакм было мечтой любого запорожца, ведь это означало иметь гарантированный доход, одежду и еду. Кроме того, реестровые

казаки рисковали гораздо меньше своих бывших собратьев по ремеслу. Неудивительно, что казаки постоянно требовали увеличить реестр. Первоначально реестр насчитывал всего лишь 300 запорожских казаков, во главе с атаманом, назначаемым польским правительством. В 1578 году реестр был увеличен до 600 человек. Казакам был передан в управление город Терехтемиров с Зарубским монастырем, расположенный близ города Переяслава, на правом берегу Днепра. Здесь были размещены казацкие арсенал и госпиталь. В 1630-х годах численность реестрового казачества колебалась от 6 до 8 тысяч человек. В случае необходимости Польша нанимала на службу и все Запорожское войско. В это время казаки получали жалование, в остальное время им приходилось на свои сабли полагаться больше, чем на монаршую милость.

Золотым веком для Запорожского войска стало начало семнадцатого века. Под руководством Петра Сагайдачного казаки, ставшие реальной силой, умудрились совершить несколько дерзких рейдов на турецкие причерноморские города, захватив огромную добычу. Только в Варне запорожцы взяли добра на 180 тысяч злотых. Затем Сагайдачный со своей армией присоединился к польскому королевичу Владиславу, начавшему поход на Москву. В России в это время бушевала Смута, польские войска осаждали Москву, а само существование Московского царства было под угрозой. В этих условиях двадцать тысяч головорезов Сагайдачного могли стать решающим козырем в многолетней войне Польши и Руси. Правда, казаки не были бы казаками, если бы не доставили хлопот и своим нанимателям-полякам. Первоначально они разорили Киевское и Волынское воеводства Речи Посполитой, а только затем вторглись в русские владения. Первой жертвой казаков стал Путивль, затем Сагайдачный захватил Ливны и Елец, а его сподвижник Михаил Дорошенко огнем и мечом прошелся по Рязанщине. Сумел отбиться только небольшой городок Михайлов. Зная о судьбе захваченных казаками городов, где были вырезаны все жители, михайловцы отбивались с отчаяньем обреченных. Потеряв почти тысячу человек, Сагайдачный, так и не сумевший взять его, вынужден был снять осаду и идти к Москве на соединение с королевичем Владиславом. Двадцатого сентября 1618 года польская и казачья армии соединились под Москвой и стали готовиться к решительному штурму, который закончился провалом. Вскоре между Московским царством и Речью Посполитой был заключен мир. В качестве награды за московский поход казаки получили от поляков 20 000 злотых и 7 000 штук сукна, хотя рассчитывали на большее.

А спустя всего два года Сагайдачный отправил в Москву посланцев, заявивших... о желании реестрового запорожского войска служить России. Причиной этого обращения стал фанатизм и непримиримость католической церкви, развязавшей страшные гонения на православие, и позиция шляхты, смотревшей на казаков и малороссов как на своих рабов. Именно в период гетманства Сагайдачного стала окончательно понятна невозможность наладить совместную жизнь православных в одном государстве с поляками. Логическим выводом отсюда было стремление разорвать навязанную историческими событиями связь с Польшей и устроить свою судьбу согласно собственным интересам и желаниям. Начиналось движение по освобождению Малороссии от польской власти. Но вскоре в битве с турками под Хотинем гетман получил смертельную рану...

После гибели этого полководца и дипломата для казаков начинаются сложные времена. Под Хотинем казаки спасли Польшу от захвата турками, но благодарности не дождались. Наоборот, поляки стали опасаться своих союзников и всячески ограничивать казацкую силу. Казаки же, почувствовав свою силу, стали требовать себе шляхетских прав. Прежде всего права бесконтрольно эксплуатировать крестьян.

Обратим внимание на еще один феномен: несмотря на ожесточенную борьбу казачества за отделение от польско-литовского королевства (Речи Посполитой), верхушка казаков с завистью смотрела на польское дворянство (шляхту). Казацкой старшине страстно хотелось жить так же разгульно и роскошно, как и шляхтичам, так же презирать простых земледельцев, как презирали их польские дворяне. Некоторые историки говорят, что поляки допустили роковую

для себя ошибку. Им нужно было принять казацкую старшину в шляхетство, не настаивая на перемене ею веры с православия на католичество. И тогда нынешняя Украина еще на века могла остаться частью Речи Посполитой.

Восстания 30-х годов XVII века

В начале семнадцатого века Речь Посполитая была в зените своего могущества, под властью польского короля были огромные пространства от Германии до Смоленска. И, несомненно, жемчужиной в польской короне были земли Малороссии. Порабощенный народ платил огромные подати, что позволяло шляхте буквально купаться в роскоши. По сути, местное население было превращено в бесправных рабов, а вскоре начались и гонения на православие. Понятное дело, что народное терпение истощалось, и каждую минуту могло начаться восстание. В сохранившемся письме польского магната князя Збаражского подробно описывается ситуация в Малороссии: «Опасность войны с рабами никогда еще не угрожала польскому государству с такой очевидностью, как в данный момент», – писал он в 1625 году.

Причем в этот раз казаки готовы были прийти на помощь крестьянам и действовать совместно против Польши. Понимая серьезность ситуации, польское правительство нанесло упреждающий удар. В Малороссию была направлена военная комиссия во главе с магнатом Конецпольским, к которому со своими отрядами присоединилось еще около 30 магнатов – владельцев крупнейших имений на Украине. Цель комиссии была сократить до минимума число казаков, а все остальное население превратить в крепостных. Силы поляков и казацко-крестьянская армия встретились у Куруковского озера. После нескольких сражений Конецпольский подписал с казацкой старшиной так называемое «Куруковское соглашение», или «Ординацию запорожских казаков». По этому соглашению число реестровых казаков сокращалось до шести тысяч человек, остальные должны были превратиться в крепостных крестьян. Не попавшие в реестр, а таких было до сорока тысяч, так называемые «выписчики», были возмущены условиями «Ординации» и не имели ни малейшего желания им подчиниться. Тысячи человек, как казаков, так и желавших стать казаками крестьян, отправились в Запорожье или в Московское государство. Часть тех непокорных при царе Михаиле Романове поселили на территории нынешних Белгородской и Воронежской областей. Их села чересполосно соседствовали с деревнями великороссов. Даже триста лет спустя, в 1930-е годы, соседи шуточно дразнили друг друга «кацапами» и «хохлами». А особенности малороссийского говора (взрывное, фрикативное «г», знаменитое «хэканье») население Белгородчины и Воронежской области сохраняет и сегодня.

Но польские войска во времена Конецпольского были отозваны для участия в войне со Швецией, и «Ординация» несколько лет оставалась на бумаге. Только в 1629 г. Конецпольский вернулся с войсками в Малороссию, чтобы разоружить казаков и превратить их в крепостных. Как только первые польские солдаты появились на нашей (русской, а не украинской!) земле, вспыхнуло восстание, возглавленное запорожцами, к которому присоединились массы крестьянства. Восстанием руководил вождь запорожцев Тарас Федорович, вошедший в историю под прозвищем Трясило. Реестровые казаки, ставшие на сторону польского правительства, были частично уничтожены, частично отброшены к Корсуню, а их гетман Григорий Черный судим «за измену русскому народу» (а отнюдь не украинскому: так сформулировали обвинение сами казаки) и казнен. (Еще одна деталь: в то время левый берег Днепра назывался московским, а правый – русским, «руським», а никак не украинским!)

У Корсуня русский герой Трясило разгромил соединенный отряд поляков и реестровых казаков, причем во время сражения многие реестровцы перешли на сторону восставших. После этого восстание охватило огромное пространство по обоим берегам Днепра. Решительное сражение состоялось около Переяслава. Оно длилось три недели, но успеха не удалось достигнуть ни полякам, ни восставшим. В результате поляки смогли склонить на свою сторону часть лидеров восстания, которые свергли Федоровича. Новый гетман Антон Бут заключил с поля-

ками перемирие, согласно которому реестр вырос с 6.000 до 8.000 человек, было увеличено жалование реестровым казакам, а всем участникам восстания было обещано помилование.

Вскоре умер непримиримый враг православия польский король Сигизмунд, и его преемник Владислав попытался смягчить обостренную религиозную вражду между православными и католиками. Результатом его усилий стали «Статьи для успокоения русского народа», согласно которым православные и униаты уравнивались в правах, православным возвращалась часть отобранных у них монастырей. (Обратите внимание: поляки семнадцатого века называют население нынешней Украины не украинцами, а именно русскими!) Однако социальное напряжение снято не было. Поэтому в среде простонародья мысль о продолжении вооруженной борьбы не только не угасала, но находила все большее число сторонников. Нереестровые казаки, над которыми висел дамоклов меч обращения в рабов-крепостных, готовы были взяться за сабли в любой момент. Уже в 1635 году запорожцы под руководством Сулимы захватили польскую крепость Кодак, вырезали поголовно весь ее гарнизон, а укрепления разрушили до основания. Верные Речи Посполитой реестровые казаки захватили Сулиму и выдали полякам. Всем же захваченным рядовым казакам Сулимы поляки отрубили уши. После гибели Сулимы восстание возглавил Павел Бут (Павлюк), который обратился с призывом к казачеству и к «посполству» (мещанам и крестьянам) ловить как изменников и доставлять ему старшину реестровых казаков. Гетман реестровцев Кононович и ряд старшин были схвачены, доставлены Павлюку и казнены. Часть реестровых казаков присоединилась к восставшим. Начало подниматься на борьбу и крестьянство. Особенно сильным было крестьянское движение на Левобережье. Шестого декабря 1637 года под селом Кумейки произошло сражение, в котором казаки были разгромлены и отступили к Черкассам, где вскоре капитулировали. Сам Павлюк, как и его предшественник Сулима, был публично казнен в Варшаве. Но многие уцелевшие повстанцы сумели спастись бегством в пределы Московского государства и на Дон.

Расправившись с восставшими на Правобережье, польский полководец Потоцкий перешел на левый берег Днепра, где еще действовали многочисленные отряды повстанцев. Огнем и мечом прошли ляхи по городам и селам Левобережья, вешая и сажая на кол участников восстания. Затем, оставив по всей Малороссии гарнизоны, Потоцкий поспешил в Варшаву на Сейм, с намерением провести через Сейм закон, который бы раз и навсегда ликвидировал угрозу казацко-крестьянских восстаний. В начале января 1638 г. закон был принят под названием «Ординация Войска Запорожского реестрового, находящегося на службе у Речи Посполитой». Условия этой «Ординации» были настолько тяжелы, что фактически превращали реестровых казаков (число которых было ограничено шестью тысячами) в наемное польское войско под командой польских офицеров. Выборность старшин была отменена. Звание гетмана упразднилось. Вместо него командовать реестровыми казаками должен был назначаемый королем «комиссар»-шляхтич. Только самые низшие должности могли занимать казаки. Для того чтобы затруднить пополнение Запорожской Сечи беглыми крестьянами, заново была отстроена крепость Кодак, в которой находился крупный польский гарнизон.

Польское правительство рассчитывало, что с внедрением в жизнь пунктов «Ординации» удастся окончательно поработить Малороссию, как это уже давно было сделано в «Воеводстве Русском» (Галиции). Однако, вместо того чтобы покориться, русский народ поднялся на еще одно восстание. Возглавили его запорожец Яков Острянин и один из помощников покойного Павлюка – Скидан. Им удалось выиграть несколько сражений, но в конце концов они были разбиты и осаждены в своем лагере. Считая сражение проигранным, Острянин с отрядом казаков бросился на прорыв, вырвался из окружения и бежал в Московское царство. Русское правительство благосклонно приняло казаков и поселило на Слободской Украине около Чугуева.

Брошенные казаками повстанцы выбрали себе гетманом Димитрия Гуню и еще два месяца продолжали отбиваться. Видя бесперспективность борьбы, часть повстанцев попыталась договориться с поляками, и тогда Гуня с отрядом непримиримых прорвал кольцо осады

и ушел в пределы Московского государства, остальные восставшие сдались на милость победителей.

После подавления восстания в Киеве поляками была созвана казачья рада, безоговорочно признавшая «Ординацию» и отправившая к польскому королю посольство, которое должно было изъявить ему верность и просить его сохранить за казаками их земли и назначить жалованье. Одним из членов этого посольства был сотник Богдан Хмельницкий – будущий гетман.

«Ординация» стала совершившимся фактом. Шесть тысяч реестровцев, попавших в привилегированное положение и ставших как бы «полушляхтой», определенно и недвусмысленно стали на сторону польского правительства в его споре с народом. Исчез организованный центр народного сопротивления польско-католической агрессии, которым было в течение полувека реестровое казачество, несмотря на соглашательские настроения его верхушки. Народ был обезглавлен, тем более что и в высшем духовенстве, возглавляемом шляхтичем Петром Могилой, он не находил защитников против жестокого угнетения.

Наступило десятилетие, которое поляки с гордостью называют временем «золотого покоя». Для поляков это действительно были годы покоя, но для народа это было, вероятно, самое черное десятилетие (1638—1648 годы) за его историю. Земли Малороссии вместе с жителями были разделены между шляхтой. В погоне за прибылью магнаты и шляхта начали сдавать свои поместья в аренду или на откуп евреям, которые не останавливались ни перед чем, стремясь выбить из крестьян максимум средств. Доходило до того, что евреи-откупщики (коим шляхта отдавала свои имения в управление) и церкви православные отпирали лишь за деньги.

Поднявшие голову униаты повели новое наступление на православие. Насколько далеко зашли эти притеснения, видно из сохранившихся документов, согласно которым польские помещики заставляли православных священников и их семьи, наряду с крестьянами, выходить на барщину. Заслушивание их избивали и калечили. Все жалобы как польским властям, так и митрополиту оставались без результатов. Не удивительно, что в результате этих притеснений, взоры православных обращались к Москве.

Тысячи казаков и вольных крестьян после «Ординации» оказались на положении изгоев, за которыми охотились магнаты с целью превратить их в крепостных. Но и реестровое казачество очутилось в тяжелом положении. Их, превращенных в наемников под командой польских офицеров, заставляли идти против собственного народа; при всяком случае поляки унижали их религиозно-национальные чувства и заставляли нести разные натуральные повинности для старшины, которая сплошь состояла из шляхтичей. Кроме того, обещанное жалование власти платили нерегулярно, что только озлобляло реестровиков.

Еще в более тяжелом положении находилось мещанство (жители городов) и многочисленные крепостные крестьяне. Не удивительно поэтому, что то десятилетие «золотого покоя», которым так гордятся поляки, было десятилетием нарастания недовольства и ненависти русского народа и казаков. Десять лет народ копил силы и ждал удобного момента. Наконец, выросло новое поколение малороссов, готовых мстить за своих убитых отцов и старших братьев. А главное, нашелся вождь, сумевший собрать в единый кулак всех врагов Польши.

Этим вождем стал Богдан Зиновий Хмельницкий.

Хмельницкий

Пожалуй, о Хмельницком написано больше книг и статей, чем обо всех остальных гетманах вместе взятых, но практически все историки касаются только последних лет его жизни. Причина такого невнимания к молодости батьки Хмеля очевидна: он жил так же, как и тысячи других воинов Речи Посполитой. Родился в семье небогатого шляхтича около 1595 года, в юношеские годы прослушал курс грамматики, поэтики и риторики во львовском иезуитском коллегиуме – словом, обычный классический курс рядового тогдашнего шляхтича. Достоверно известно, что в 1620 году он вместе со своим отцом принимал участие в молдавском походе гетмана Станислава Жолкевского и принял боевое крещение в битве с турками под Цецорой. Эта битва завершилась не только сокрушительным поражением для польского войска, но и гибелью отца Богдана. Юноша попал в плен, откуда его выкупила мать. Затем Хмельницкий воевал во всех войнах, которые вела Речь Посполитая. В 1633 году король наградил его саблей за участие в войне с Московским царством.

К своему пятидесятилетию Хмельницкий явно завершил свою карьеру, став чигиринским старостой. Казалось бы, ждет его спокойная старость на своем хуторе Субботов и воспоминания о лихой молодости. Но судьба распорядилась иначе. Овдовев, Хмельницкий решил взять новую жену, но его избранницу похитил сосед – чигиринский подстароста Даниил Чаплинский. Кстати, вместе с хутором. Действительно, чего уж мелочиться. Правда, права самого Хмельницкого на хутор были весьма спорными. Оскорбленный Богдан попытался вызвать обидчика на дуэль, но попал в засаду и чудом вырвался. Пришлось ему жаловаться коронному гетману, затем началась судебная тяжба, которую Хмельницкий проиграл – единственным утешением стали для него 130 злотых как компенсация за Субботов. Возвратившись ни с чем из Варшавы, Хмельницкий продолжал жаловаться на Чаплинского, тот в свою очередь обвинял Богдана в измене и сношениях с татарами. Готовился Хмельницкий тогда к восстанию или нет – неизвестно, но по приказу коронного гетмана Потоцкого он был арестован. Вскоре Хмельницкому удалось бежать, и 11 декабря 1647 он вместе со своим сыном прибыл в Запорожскую Сечь, а оттуда направился за помощью в Крым. Момент для просьбы был удачный. Крымский хан был недоволен Польшей, так как она неаккуратно платила ежегодный «подарок», которым откупалась от набегов; а, кроме того, на полуострове был неурожай и, как следствие, падеж скота. Татары были не прочь компенсировать свои потери путем грабежа во время войны. Хан согласился помочь Хмельницкому и передал в его распоряжение отряд в четыре тысячи воинов под командой перекопского мурзы Тугай-бея. Так по одну сторону баррикад оказались в прошлом заклятые враги – татары и казаки, хотя доверия между новыми союзниками не было. В качестве заложника в Бахчисарае остался сын Хмельницкого Тимош, а Тугай-бей в казацком стане гарантировал, что хан не ударит Хмельницкому в спину.

18 апреля 1648 года Хмельницкий прибыл в Сечь и изложил результаты своей поездки в Крым. Народ на Сечи принял его с энтузиазмом и избрал кошевым атаманом войска запорожского. Гетманом Хмельницкий стал называться только позднее. К концу апреля 1648 года Хмельницкий уже имел в своем распоряжении десять тысяч человек (включая и татар), с которыми и готовился выступить в «поход мести».

Весть о захвате повстанцами Запорожья встревожила польскую администрацию, и она решила задушить восстание в зародыше. Поляки быстро стягивали свои силы в кулак для борьбы с казаками, а в это время все население Малороссии готовилось присоединиться к казакам, как только те появятся...

Коронный гетман Николай Потоцкий выслал вперед четырехтысячный авангард под руководством своего сына Стефана, а реестровым казакам приказал идти ему на подмогу. Однако реестровые при первой же возможности перебили своих польских командиров и при-

соединились к Хмельницкому. Поляки, оказавшиеся в меньшинстве, попытались отступить, но были полностью разгромлены.

Потоцкий решил «примерно наказать бунтовщиков» и, не сомневаясь в победе, двинулся навстречу Хмельницкому. И попал в засаду под Корсунем. В этом бою погибла вся регулярная (кварцная) армия Речи Посполитой мирного времени – более 30 тыс. человек. Гетманы Потоцкий и Калиновский были взяты в плен и отданы Тугай-бею в качестве платы за помощь. Вся польская артиллерия и огромные обозы достались казакам как военная добыча. Сразу после этих побед на Украину прибыли основные силы крымских татар во главе с самим ханом Ислам-Гиреем. Поскольку сражаться уже было не с кем (хан должен был помочь Хмельницкому под Корсунем), орда вернулась в Крым.

Известия о двух поражениях поляков быстро облетели всю Малороссию. Крестьяне и мещане начали массами присоединяться к Хмельницкому или, образуя партизанские отряды, самостоятельно громить имения поляков, захватывать города и замки с польскими гарнизонами. Крестьяне и горожане старались со всей жестокостью отомстить полякам и евреям за притеснения, которые длились долгие годы.

Крупнейший магнат Левобережья князь Иеремия Вишневецкий, узнав о восстании Хмельницкого, собрал собственное войско, чтобы помочь гетману Потоцкому усмирить восстание. Если бы он успел, то, возможно, Хмельницкий был бы разбит, но неистовый Иеремия опоздал. Теперь ему оставалось только спасать своих соплеменников. Все, кто так или иначе был связан с Польшей и ее социальным строем, уходили вместе с Вишневецким. Шляхтичи, арендаторы-евреи, католики, униаты знали, что если только попадут в руки повстанцев, то им пощады не будет. Как показала история, они не ошибались. Пойманных евреев казаки казнили с особой жестокостью. Не церемонились восставшие и с поляками, особенно с ксендзами. В результате этого стихийного погрома на Левобережье за несколько недель лета 1648 года исчезли все поляки, евреи, католики, а также и те из немногочисленной православной шляхты, которые симпатизировали полякам и сотрудничали с ними. О накале ненависти свидетельствуют такие факты: как минимум половина украинских евреев из общего числа, оцениваемого в приблизительно 60 000, были убиты или угнаны в рабство. Еврейский летописец Натан Гановер писал: «С одних² казаки сдирали кожу заживо, а тело кидали собакам; другим наносили тяжелые раны, но не добивали, а бросали их на улицу, чтобы медленно умирали; многих же закапывали живьем. Грудных младенцев резали на руках матерей, а многих рубили на куски, как рыбу. Беременным женщинам распарывали животы, вынимали плод и хлестали им по лицу матери, а иным в распоротый живот зашивали живую кошку и обрубали несчастным руки, чтобы они не могли ее вытащить. Иных детей прокалывали пикой, жарили на огне и подносили матерям, чтобы они отведали их мяса...»

Неожиданно Хмельницкий попытался дистанцироваться от всеобщего народного восстания. Он собрал казацкую раду, от которой ему удалось добиться начала переговоров с поляками. Впрочем, поляки использовали переговоры только для выигрыша времени с целью подготовки новой армии. К казакам были, правда, посланы уполномоченные для переговоров, но они должны были предъявить заведомо невыполнимые требования (выдача оружия, взятого у поляков, выдача предводителей казацких отрядов, удаление татар). Рада, на которой были прочитаны эти условия, была сильно раздражена против Богдана Хмельницкого за его медлительность и за переговоры. Уступая требованиям простых повстанцев, Хмельницкий стал двигаться на Волынь, где стояла польская армия. 21 сентября две армии встретились под Пилявцами. Поляки в очередной раз не устояли и побежали.

В октябре 1648 года Богдан Хмельницкий осадил Львов. Как показывают его действия, он не собирался занимать город, ограничившись взятием опорных пунктов на его подступах:

² пленных евреев

укрепленных монастырей Святого Лазаря, Святой Магдалены, собора Святого Юра. Однако Хмельницкий разрешил отрядам восставших крестьян, которыми руководил Максим Кривонос, штурмовать Высокий Замок. Восставшие захватили польский замок, перебив поголовно всех его защитников, после чего потребовали от горожан заплатить Хмельницкому огромный выкуп за отступление от стен Львова. Получив деньги, Хмельницкий отказался от похода на Варшаву и повел свою армию назад в Малороссию.

Это решение буквально спасло Речь Посполитую: ведь после победоносной кампании 1648 года казаки не встретили бы организованного сопротивления поляков. Хмельницкий мог двинуться прямо на Варшаву и наверняка бы взял беззащитную польскую столицу.

Почему же гетман не решился разорить Варшаву? Да потому, что психологически это была его столица! Полвека он верой и правдой служил польским королям. Именно в Варшаву он ездил с депутациями Запорожского войска, именно отсюда шло казакам жалование и поступали приказы. Ведь даже поднимая восстание, Хмельницкий стремился придать ему видимость некой законности! Он постоянно напоминал, что взбунтовал казаков с согласия самого короля Владислава. Тот, выслушав в Варшаве жалобы казацких посланцев на притеснения шляхты, якобы спросил: «Разве у вас нет сабель?» То есть в то время Хмельницкий не думал ни о какой независимости Украины, ни тем паче о переходе Малороссии под скипетр Московской державы.

Тут необходимо сделать отступление и внимательно разобраться, кто и ради чего взялся за оружие в 1648 году.

Шляхта билась за свое право угнетать крестьян и безбедно жить за счет покоренного малорусского населения.

Татары участвовали в походах Хмельницкого по двум причинам. Во-первых, ради добычи, во-вторых, и казаки, и поляки были врагами Крымского ханства и, помогая то одной, то другой стороне, Ислам-Гирей ослаблял своих стратегических противников.

В свою очередь, для Богдана крымские татары были настоящей находкой: ведь у него практически не было собственной кавалерии. Ордынцы же были прирожденными наездниками. Кроме того, татары стали личной гвардией гетмана, готовой в случае необходимости драться не только с поляками, но и подавить выступления противников Хмеля из числа казаков. (Так что особые охранно-карательные части из латышских стрелков и китайских пехотинцев, как видите, совсем не большевистское изобретение!)

Самой многочисленной и самой непримиримой частью армии Богдана стали крестьяне. Они мстили за свое многолетнее угнетение, за гонения на веру. Главной их целью было избавить Малороссию от польского ига, а политические дразги их мало интересовали. Многочисленные, самоотверженные, но практически безоружные, а главное – необученные ратному делу, они не имели никаких шансов справиться в открытом бою со шляхтичами, с детства готовившимися к войне.

А вот последняя группа повстанцев, казаки, ни в выучке, ни в вооружении шляхте не уступала. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, казаки играли ведущую роль в восстании. Они становились вожаками повстанческих отрядов, разрабатывали планы операций, руководили боевыми действиями и были ударной силой в сражениях. То есть, говоря современным языком, казаки были офицерским корпусом и спецназом в армии Богдана. И их цели заметно отличались от целей крестьян. Казаки вовсе не желали освобождения Малороссии из-под власти короля и шляхты: ***просто они сами хотели стать шляхтой.***

Социальная система Польши запорожцев полностью устраивала – не устраивало их только собственное место в ней. Основными требованиями казаков были увеличение реестра и признание за ними шляхетских прав. Восстание же было своеобразным трудовым спором – вспомним, что шляхта имела законное (!) право отстаивать свои права с оружием в руках. Логика казаков незатейлива: «Возьмете нас к себе на службу – не будем бунтовать, не возь-

мете – мы вас немножко пограбим». А поскольку казаки воспринимали свои действия исключительно как торг с центральной властью в Варшаве, то они и не стремились к уничтожению польской государственности. Особо сильными такие настроения были у старшины, мечтавшей занять места в рядах магнатов, подчинить своей власти целые области и заставить крестьян гнуть на них спину. Вообще, казаки задолго до Хмельницкого пытались получить в кормление какую-нибудь область. Точно так же братки-рэкетиры в лихих девяностых годах двадцатого века пытались брать под контроль предприятия и целые отрасли промышленности. В шестнадцатом веке казаки несколько раз пробовали подчинить себе Валахию, посадив на ее престол своего ставленника. В середине семнадцатого казакам несказанно повезло: судьба отдала им в руки всю Малороссию, очищенную благодаря крестьянской войне от польского ига. Оказалось, что завоевать этот край проще, чем добиться вхождения в ряды благородного сословия Речи Посполитой.

Под Львовом выяснилась разница между чаяниями казаков и крестьян, готовых идти на Варшаву и довести до конца дело своего освобождения. Повторилось то же, что и во всех предыдущих восстаниях, возглавляемых казаками: предательство мужиков во имя специфических казацких интересов. Еще не дойдя до Киева, Хмельницкий издал указ-универсал к дворянству, в котором подтверждал их право на владение крепостными. В самом Киеве Хмельницкий встретился с польскими послами, которые принесли ему королевскую грамоту на гетманство. Хмельницкий принял гетманское «достоинство» и благодарил короля за оказанную ему честь. Это вызвало большое раздражение в войске, из-за чего Хмельницкий в своих переговорах с комиссарами вел себя довольно уклончиво. В результате переговоры ни к чему не привели, и польский Сейм постановил собирать шляхетское ополчение для борьбы с восставшими.

Весной 1649 года польские силы стали концентрироваться на Волыни. Хмельницкий, объединившись с крымским ханом, осадил Збараж, где находился многочисленный польский отряд. На помощь осажденным выступил сам король Ян Казимир во главе двадцатитысячного войска. Под Зборовом 5 августа королевские силы были атакованы повстанцами. Поляки сражение явно проигрывали, ведь татары и казаки уже ворвались в их лагерь и устроили дикую резню. Еще немного – и сам король был бы зарублен казаками или захвачен в плен. Но Хмельницкий вдруг остановил битву, спасши Яна Казимира от плена, а остаток поляков – от полного истребления.

На следующий день начались переговоры и был подписан так называемый Зборовский договор, перечеркивавший все успехи восставших. По этому договору Малороссия оставалась под властью Польши, паны возвращались в свои владения, а крестьяне обязаны были им служить, как и до восстания. Зато казаки получили огромную выгоду – реестр увеличивался до сорока тысяч человек, которые наделялись землей, правом иметь двух помощников. Лично Хмельницкому отходило все Чигиринское староство, приносящее 200 000 талеров дохода в год. Не остались обиженными и другие казацкие вожди. А вот не вошедшие в реестр снова закабалались. По сути, казацкая старшина и лично гетман предали восставших ради шкурных интересов.

Вскоре, в полном соответствии с содержанием Зборовского договора, в Малороссию стали возвращаться поляки-шляхтичи в сопровождении военных отрядов. Одним из них был шляхтич Корецкий, ранее владевший огромными имениями на Волыни. Однако местные крестьяне в кровопролитном бою разгромили войско Корецкого. Неожиданно Хмельницкий предложил волыньским крестьянам добровольно покориться шляхтичу, а затем жестоко расправился с непокорными земледельцами. Многие крестьяне погибли ужасной смертью: по приказу гетмана их посадили на кол...

Но даже такой поворот судьбы не заставил русский народ, уже хлебнувший свободы, покориться. Вернуться в свои имения-маетки шляхтичи могли только с помощью огня и меча.

И Хмельницкий с казаками активно помогал им. Так из революционного вождя гетман Богдан превратился в предателя народа.

Вполне естественной была и реакция простонародья: в Запорожской Сечи вспыхнуло восстание против батьки Хмеля. Запорожцы избрали своим новым гетманом казака-радикала Якова Худолия – непримиримого врага Речи Посполитой. По городам и местечкам прокатилась волна антипольских выступлений, одним из крупнейших стало восстание жителей города Кальника. В ответ Хмельницкий в сентябре 1650 года обнародовал свой указ, предусматривавший смертную казнь за участие в разных волнениях и мятежах. На Запорожскую Сечь он отправил крупный карательный отряд, который быстро усмирил запорожцев. Худолий был казнен в гетманской столице Чигирине. Так же быстро гетманские войска ликвидировали народное восстание в Кальнике, где пятеро его руководителей были публично казнены. Казацкие старшины получили от «батьки Хмеля» приказ – подавлять народные выступления любыми методами...

Однако даже это не удовлетворило польскую знать. Несмотря на все усилия короля, Зборовский договор не был утвержден Сеймом, который решил возобновить войну с казаками. Зимой 1651 года начались военные действия.

Положение Хмельницкого стало довольно затруднительным. Его популярность значительно упала, простой народ гетману уже не доверял. В поисках помощи Хмельницкий согласился признать над собой главенство турецкого султана, который приказал крымскому хану всеми силами помогать Хмельницкому как вассалу турецкой империи. 19 июня 1651 года казацко-татарское войско сошлось с польским под Берестечком. Это сражение по праву считается одним из крупнейших в средневековой европейской истории – в нем участвовало до 150 тысяч воинов с каждой стороны. Несмотря на то что среди польских войск находились сам король и коронный гетман Потоцкий, выкупленный из татарского плена, настоящим лидером поляков был князь Иеремия (Ярэма) Вишневецкий. Потомок богатейшего русского княжеского рода, Иеремия в юности перешел в католичество и стал одним из выдающихся государственных деятелей Речи Посполитой. За свою жестокость по отношению к восставшим он заслужил прозвище «Ужас казачий», а за храбрость и удачу – любовь и беззаветную преданность своих воинов. В трехдневном бою Хмельницкий был разгромлен, причем решающую роль в этой победе польского оружия сыграл князь Иеремия, лично поведший своих воинов в атаку. Татары, составлявшие до трети казацкой армии, понесли большие потери и стали спешно отступать. Хмельницкий, бросив казаков и крестьян, обороняющихся в своем лагере, помчался к хану, стремясь вернуть татар на поле битвы. Однако те, утомленные трехдневными кровопролитными боями, отказались продолжать сражение, тем более что пошел ливень, земля размокла и они лишились своего главного козыря – маневренности.

В общем, татары не вернулись. Не вернулся к своей погибающей армии и Богдан. Одни историки считают, что он стал пленником хана, другие доказывают, что он спасался от собственных полковников, скрываясь под защитой татарских сабель. Этой версии придерживается и один из наиболее ярких современных украинских историков и публицистов Олесь Бузина. В своей книге «Тайная история Украины» он так описывает этот момент:

«Но с чем теперь было возвращаться Хмельницкому? С голыми руками? Запорожский гетман прекрасно знал то, что начнется после его возвращения. Какая-нибудь тварь из лагеря перебежит к полякам и расскажет, что гетман пришел без татар. А король пришлет парламентаров с известным предложением: прощение за бунт в обмен на выдачу Богдана. И казаки согласятся! Они соглашались всегда! И в 1596 году на Солонице, когда выдали на расправу Наливайко. И в 1635-м, когда продали Сулиму. И в 1637-м под Боровицей – сбавив с рук Павлюка. Продавать гетманов – любимое занятие запорожских «лыцарей», продувших в политические картишки. Хмельницкий знал об этом не из книжечек. В конце концов он сам (тогда еще войсковой писарь) подписывал капитуляцию под Боровицей – говоря по-простому, «про-

давал» Павлюка. Пусть историки будущего курят фимиам бесстрашным казачьим героям. Хмельницкий-то видел воочию этих полупьяных стражей православия – он сам был из них. Оказаться на месте Павлюка и отдать любимую бычью шею под меч варшавского палача? А вот вам!

То, что наиболее проницательные из современников поняли, что произошло, доказывает дневник участника битвы под Берестечком польского шляхтича Освенцима: «Хмель, увидев, к чему идет, что лагерь с войском его уже взят в осаду, и сеном не выкрутиться, разве что выдачей его (Хмельницкого. – О. Б.), если он останется в лагере, поспешил за Ханом с Выговским, советником своим, предусмотрительно спасая свою жизнь и свободу. Поводом было, что он гнался за ханом, чтобы упросить вернуться... Только поводом, чтоб открутиться от казачества и холопства, взятого в блокаду. Иначе они его бы не выпустили и охотно купили бы себе жизнь его головой, если бы он не надул их...»

Как бы там ни было, но целый месяц Хмельницкий провел вместе с татарами. Осажденный казачий лагерь с трех сторон был защищен укреплениями, а с четвертой к нему примыкало непроходимое болото. Десять дней восставшие, выбравшие своим новым предводителем полковника Богуна, мужественно отбивались от поляков. Чтобы выйти из окружения, через болото стали строить плотины. В ночь на 29 июня Богун с войском начал переправу через болото. Как всегда, казаки в первую очередь заботились о себе: первыми тайно через болото переправились казацкие части и артиллерия, оставив в лагере одних крестьян. Когда утром те узнали, что казаки их бросили, обезумевшая от страха толпа бросилась на плотины, которые не выдержали. Масса людей утонула. Одновременно, сообразив в чем дело, поляки ворвались в лагерь и перебили тех, кто не успел бежать.

Затем польское войско, опустошая все на пути, двинулось на Малороссию. Кроме главного польского войска, в походе участвовал и литовский гетман Радзивилл. Он разбил черниговского полковника Небабу, взял Любеч, Чернигов, а затем и Киев, после чего польские и литовские отряды встретились под Белой Церковью. В это время Хмельницкий расположился около местечка Паволочь. Сюда к нему стали стекаться казацкие полковники с остатками своих отрядов. Все были в унынии. Народ относился к Хмельницкому с крайним недоверием и всю вину за поражение сваливал на него. Но все же ему удалось удержать восставших в повиновении.

Видя свое незавидное положение, Богдан начал мирные переговоры с поляками. 17 сентября 1651 г. был подписан так называемый Белоцерковский договор, очень невыгодный для казаков. По новым соглашениям реестр сокращался, шляхта подтверждала свое право на восстановление всех старых привилегий, сами казаки должны были жить только на Киевщине, и, кроме того, договор предусматривал пребывание на Украине польских войск. Новый договор с Речью Посполитой вызвал у крестьян и казаков еще большее озлобление, чем Зборовское соглашение. Когда в Белой Церкви Хмельницкий публично огласил его содержание, на него двинулась разъяренная толпа казаков... Опасаясь весьма вероятного самосуда, гетман, его свита и бывшие при нем польские дипломаты вынуждены были спасаться бегством и искать приюта в Белоцерковском замке. Королевские дипломаты, считая, что самому Хмельницкому жить осталось недолго, попытались бежать, но были пойманы одним из мятежных казацких отрядов... Трудно сказать, какая судьба ждала поляков и Хмельницкого, не подоспей верные гетману войска. Белоцерковское восстание было подавлено, его предводители были публично казнены Богданом. Кроме того, по его же приказанию расстреляли около ста казаков из отряда, захватившего королевских посланцев.

Однако, несмотря на жестокие карательные меры, усмирить восстания не удавалось. Народ сражался сразу против двух врагов – польских панов и «предателя Хмельницкого». Своего пика народные выступления достигли весной 1652 года, реально угрожая свергнуть гетманское правительство. В Малороссии в это время действовал целый ряд никому не подчи-

нявшихся атаманов. Запорожец Сулима, под командой которого собралось до десяти тысяч человек, предложил свергнуть Хмельницкого и передать гетманскую булаву его старшему сыну – Тимофею-Тимишу. Восставшие попытались объединить свои отряды и идти походом на Чигирин, но гетманские войска разгромили их. По всей стране не прекращались бои отдельных отрядов Хмельницкого, шляхты и повстанцев. Позже Богдан в очередной раз укротил и мятежную Запорожскую Сечь, послав туда крупные карательные силы. От этой борьбы всех против всех простой народ начал массово бежать на территории современных Харьковской и Воронежской областей, которые входили тогда в состав царской России.

Огромные территории погрузились в анархию. Поляки, с которыми формально был мир, продолжали военные действия против повстанцев. Весной 1653 г. польский отряд под руководством Чарнецкого стал опустошать Подолию. Чтобы окончательно не потерять власть, Хмельницкий выступил в союзе с татарами против него. Но полякам удалось заключить договор с ханом, по которому орде было разрешено опустошать православные земли Речи Посполитой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.